

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

**Ежегодные научные чтения
Калмыцкого научного центра
Российской академии наук – VI
(г. Элиста, 22-23.12.2016)**

Элиста, 2017

УДК 94+81+31

ББК 63.3(2Рос=Калм)+81.2(2Рос=Калм)+60.5

Е 35

Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Редколлегия:

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, канд. фил. наук *В. В. Куканова*,
д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева*

Составитель:

канд. фил. наук *Е. В. Бембеев*

Е 35   **Ежегодные научные чтения Калмыцкого научного центра РАН – VI**
[электронное издание] / ред. Э. П. Бакаева, В. В. Куканова, Е. Н. Бадмаева;
сост. Е. В. Бембеев. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. – 160 с.

В настоящем издании представлены тезисы докладов и сообщения, которые прозвучали на ежегодной научной сессии Калмыцкого научного центра Российской академии наук по итогам научно-исследовательской работы в 2016 г.

ISBN 978-5-906881-16-8
(e-pub)

© ФГБУН «Калмыцкий
научный центр РАН», 2017

© Коллектив авторов, 2017

- Очирова Н. Ч.* Своеобразие концепции эпохи и личности в поэме Хасыра Сян-Белгина «Өнчн бөк» – «Борец-сирота» (1935 г.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015б. № 4. С. 167-170.
- Очирова Н. Ч.* Социальная проблематика в калмыцкой поэзии 1930-х гг. (на материале творчества Гари Даваева) // Актуальные проблемы современного монголоведения. Элиста: КИГИ РАН, 2015в. С. 193–198.
- Очирова Н. Ч.* Современная калмыцкая поэзия в зеркале фольклорных и литературных традиций // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. 2016. № 4 (31). С. 93–99.
- Очирова Н. Ч.* Художественное осмысление конфликта в контексте поэзии Гари Даваева (на материале поэмы «Алтма») // Проблемы изучения национальных литератур. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2015г. С. 284–290.
- Салдусова А. Г.* Национальная художественная традиция в аспекте современного литературоведения // Монголоведение. 2011а. № 5. С. 229–235.
- Салдусова А. Г.* О ценностной ориентации художественного мира в традиции калмыцкой культуры // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Элиста: КИГИ РАН, 2011б. С. 147–150.

О СТРУКТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КАЛМЫЦКИХ БОГАТЫРСКИХ СКАЗОК

*Ц. Б. Селеева*¹

¹ научный сотрудник отдела фольклора КалмНЦ РАН

Разработанный В. Я. Проппом морфологический подход позволил выявить инвариантную структуру метасюжета волшебной сказки, состоящую из синтагматической последовательности определенного числа функций (31) действующих персонажей [Пропп 1928]. Актуальность исследования продиктована тем, что структурный анализ применительно к центрально-азиатским волшебным-героическим и богатырским сказкам практически не осуществлялся. Целью исследования является выявление и рассмотрение повествовательной структуры калмыцкой богатырской сказки посредством событийности, основанной на функциях персонажей.

Повествовательная структура волшебной сказки главным образом акцентирует свое внимание на функциях героя, связанных с решением трудной задачи посредством волшебных средств или чудесных помощников. Чаще всего трудная задача состоит в добыче этих самых чудесных средств

и предметов. Функции героя богатырской сказки сосредоточены на интересах семьи, рода и связаны «со стремлением к гармонизации миропорядка, с подавлением хтонических и демонических сил, с организацией ряда социальных институтов и т.д.» [Неклюдов 2015: 29]. Основное различие состоит в том, что в волшебной сказке «действие с помощью чудесной силы и составляет главный подвиг, который является подвигом не из-за богатырского напряжения сил» [Мелетинский и др. 2001: 19], самопроявления энергии и личной воли героя как в богатырской сказке. При этом в структуре обоих типов сказочного повествования наблюдаются сходные элементы — предварительное испытание, добывание чудесных средств, суженой, встреча с чудесными помощниками, пособничество, вредительство, ликвидация недостачи, добывание объекта поисков и др.

Следует отметить, что современные исследования калмыцких сказок проводились в различных аспектах: поэтики, стилистики, сюжетного своеобразия [Басангова 2015, 2016 а,б; Горяева 2011; 2016; Горяева, Баянова и др. 2015; Куканова, Горяева 2015; Мирзаева 2015а,б; Манджиева 2015а; 2015б; Надбитова 2011; 2012; Селеева 2015; 2016 и др.]. Рассмотрим структуру калмыцких богатырских сказок сквозь призму событийности, основанной на функциях героя. Как правило, в зачине дается обозначение времени — «давно», «в давние времена», а также пространства — кочевье, страна, ханство, даются сведения о семье героя-богатыря, обычно это представители двух поколений — родители и дети, старшие и младшие. Иногда сказка начинается с описания бездетности престарелых родителей и вымаливания ими чудесного ребенка. Зачин сказки еще не относится к функции, это только исходная ситуация, которая задает начало функции «**временной отлучки**». Герой калмыцкой богатырской сказки отлучается на какое-то время из дому, чтобы поохотиться и тем самым развеять свою богатырскую удасть. Отлучка героя может сопровождаться запретом для оставшихся членов семьи, который затем обязательно нарушается. «**Запрет**» и «**нарушение запрета**» — парные функции, именно они задают начало действия сказки, без них не может быть самого сюжета сказки, т.к. нарушение запрета незамедлительно приводит к несчастью или к беде. Так, «нарушение запрета» приводит к появлению в семье героя враждебного существа, который наносит вред. Это может быть существо хтонического происхождения (одноглазый мус, старуха с козьими ногами и др.). Члены семьи героя вступают в **пособничество** с враждебным существом и вредят герою. Таким образом, вредительство в калмыцкой богатырской сказке выражается в различных формах, в частности, в форме похищения — похищаться может волшебное средство, добыча или невеста.

Завязка сюжета не всегда начинается с «запрета» и «нарушения» и появившейся вследствие этого «бедой». «Беда» может быть эквивалентна «недостаче». В калмыцких сказках недостача изображается в виде пропажи или угона скота, умыкания суженой, пленения родных и подданных, тяжелой болезни отца и матери героя и др.

Началу развития основного сюжета сказки служит **«мотивировка»** — получение героем вести о надвигающейся угрозе, противнике, суженой и состязаниях за нее, пленение родственников, а также их болезнь. Функция вестника в калмыцких сказках обычно возложена на коня героя. В других случаях мотивировкой может служить недостача, когда одному из членов семьи чего-либо не хватает, ему хочется иметь что-либо.

Начало основной сюжетной линии связано с отправлением героя для **выполнения и решения трудной задачи**. Целью может быть поиск суженой или противника, угрожающего благополучию героя, устранение беды и недостачи, выраженного болезнью или пленением родственников. Путь к месту назначения объекта поиска и совет в разрешении трудной задачи герою чаще всего указывает старец, случайно встретившийся по дороге.

Ядром структуры сказочного повествования являются взаимосвязанные функции **«трудная задача»** и **«решение задачи»**, в основе которого **«испытание героя»**. В богатырской сказке функция предварительного испытания может отсутствовать, а часто наблюдается «дистрибутивная тождественность функций «борьбы – победы» и «задачи – решения», являющихся алломорфами основного испытания» [Мелетинский и др. 2001: 22].

Событийная структура калмыцкой богатырской сказки ведет к развязке. Одержав победу, герой ликвидирует первоначальную беду или недостаток. Уничтожив врага, он вызволяет народ из преисподней или чудесным образом оживляет умерших. Герой исполняет трудные задачи и получает в дар суженую. Добыв предмет своих поисков, он возвращается, вступает в брак и воцаряется.

Таким образом, в ходе исследования рассмотрены следующие основные функции, являющиеся структурными элементами калмыцкой богатырской сказки: недостача (вредительство) — ликвидация, запрет — нарушение запрета, трудная задача — решение, борьба — победа. Они представляют семантические противопоставления и относятся к сюжетным, событийным коллизиям.

В результате анализа выявлено, что структура калмыцких богатырских сказок совпадает со структурами волшебных сказок в части представленных основных функций, т.к. не все сказки содержат полный синтагма-

тический ряд функций. Чаще всего они имеют сокращенную структуру. Но практически все воспроизводят основные функции сказок, выявленные В. Я. Проппом, в различных комбинациях и последовательности. Кроме того, наблюдается трансформация последовательности структурных элементов (функций), а также их ассимиляция.

Именно структурный подход В. Я. Проппа, на наш взгляд, открывает возможности к обнаружению ряда закономерностей и внутренних свойств сказочных элементов, как сюжетобразующих единиц, что, в свою очередь, позволяет выявить существенные особенности, способы и пути сюжетосложения калмыцких богатырских сказок.

Литература

- Басангова Т. Г.* Бытовые сказки калмыков: опыт изучения и классификации // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016а. № 3. С. 180–187.
- Басангова Т. Г.* Калмыцкая сказочная традиция во времени // Год литературы: Этноментальные ориентиры научных поисков в кросс-культурном пространстве XXI века. Мат-лы Междунар. науч. конф. Махачкала: ДГПУ, 2015. С. 145–148.
- Басангова Т. Г.* Сюжет АА № 981 в калмыцкой бытовой сказке // Монголоведение. №8. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016б. С. 114–121.
- Горяева Б. Б.* Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 128 с.
- Горяева Б. Б.* Персонажи калмыцкой сказки (на материале Г.И. Рамstedта) // Ежегодные научные чтения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН – V. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 91–93.
- Горяева Б. Б., Баянова А. Т., Бутаева А. О., Куканова В. В.* Фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере сказок, записанных Г. И. Рамstedтом) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 128–140.
- Куканова В. В., Горяева Б. Б.* Калмыцкие сказки, записанные Г. Й. Рамstedтом: опыт квантитативного анализа // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 124–131
- Манджиева Б. Б.* Калмыцкие народные сказки в Своде фольклора // Ежегодные научные чтения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН – V. Элиста: КИГИ РАН, 2015а. С. 170–174.
- Манджиева Б. Б.* К истории изучения и публикации калмыцких богатырских сказок // Современные проблемы науки и образования. 2015б. № 1–2. С. 175.
- Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М.* Проблемы структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М.: РГГУ, 2001. С. 11–121.

- Мирзаева С.В.* Сюжеты о чудесном помощнике в сказочном фольклоре калмыков и ойратов Западной Монголии // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2015а. № 3. С. 186–195.
- Мирзаева С.В.* О некоторых буддийских чертах сказочного фольклора калмыков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2015б. № 3. С. 196–204.
- Надбитова И. С.* Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок / отв. ред. В. Л. Кляус. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 260 с.
- Надбитова И. С.* Финальные формулы калмыцких волшебных сказок // Вестник Дагестанского научного центра РАН, 2012. № 44. С. 95–98.
- Неклюдов С. Ю.* Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Издательство «Форум», 2015. 216 с.
- Протт В. Я.* Морфология сказки. Л.: Академия, 1928. 153 с.
- Селеева Ц. Б.* Специфическое и универсальное в образе героя калмыцкой богатырской сказки и эпоса «Джангар» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 151–155.
- Селеева Ц. Б.* Об архаических рудиментах богатырской сказки в эпосе «Джангар» // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2016. № 2 (2). С. 75–79.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЛМЫЦКОЙ ЭМИГРАЦИИ 20-30 гг. XX в.

*Д. Ю. Топалова*¹

¹кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии КалмНЦ РАН

История зарождения калмыцкой эмиграции, сложная и тяжелая в своей основе, связана, как известно, с вынужденным переходом калмыцкого населения в годы Гражданской войны в страны Европы, а после и США. Данная проблема актуальна и предопределяет многоаспектность исследовательского внимания. Несмотря на многие исторические обстоятельства, а также идеологические принципы, эта неисследованная часть была и остается бесценным достоянием калмыцкой культуры.

Литературное направление калмыцкого зарубежья представлено деятельностью Санджи Балыкова (1894-1943) — одного из самых ярких пред-